

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.8>

UDC 902.01

LBC 63.4

Submitted: 31.10.2024

Accepted: 09.12.2024

KURGANS OF THE 10th CENTURY NEAR THE VILLAGE OF SUMAROKOVO, SMOLENSK REGION

Vladimir V. Enukov

Kursk State University, Kursk, Russian Federation

Abstract. In 1985, a research team of the Smolensk expedition of Moscow State University investigated two large kurgans with cremations on a slope near the village of Sumarokovo. Kurgan 2 was particularly difficult to construct. A log structure was erected on a specially prepared site (fill, ritual fire). During its filling with soil, burials 1 and 2 were made, and a fire was lit on the surface of the resulting platform, after which cremated remains of a man and a woman were poured out (burial 3). In addition to fragments of an early pottery vessel, it contained a handbag with overlays, a necklace of numerous beads and other finds. The kurgan is dated to the mid-950s – 970s. Kurgan 4, significantly damaged by foxholes, contained 3 burials, accompanied by intact and broken early pottery. It was probably erected earlier than kurgan 2. Sumarokovo is one of the so-called “round kurgans” of the Upper Dnieper region, which reflect the formation of the Old Russian culture that replaced the culture of the Smolensk long kurgans. The burial ground is located within the boundaries of a polity of the “chiefdom” type with its centre in Gnezdovo. Kurgan 2 attracts special attention. It did not contain weapons or luxury items, but a complex and labour-intensive set of rituals, joint cremation with the owner of a rich necklace, along with synchronous accompanying burials, suggest an extraordinary social status for the man.

Key words: Smolensk Dnieper region, Sumarokovo, 10th century, round kurgans with cremations, wooden blockhouse.

Citation. Enukov V.V., 2025. Kurgany X v. okolo d. Sumarokovo Smolenskoj oblasti [Kurgans of the 10th Century Near the Village of Sumarokovo, Smolensk Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 149-170. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.8>

УДК 902.01

ББК 63.4

Дата поступления статьи: 31.10.2024

Дата принятия статьи: 09.12.2024

КУРГАНЫ X в. ОКОЛО д. СУМАРОКОВО СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Владимир Васильевич Енуков

Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Аннотация. В 1985 г. отрядом Смоленской экспедиции МГУ около д. Сумароково были исследованы 2 больших кургана с кремациями на стороне. Особой сложностью возведения отличался курган 2. На специально подготовленной площадке (подсыпка, ритуальный костер) был возведен сруб. В ходе его заполнения грунтом были совершены погребения 1 и 2, а на поверхности полученной платформы разведен костер, после чего высыпаны остатки сожжения мужчины и женщины (погребение 3). В нем, помимо обломков раннегончарного сосуда, присутствовали сумочка с накладками, ожерелье из многочисленных бус и другие находки. Датируется курган серединой 950-х – 970-ми годами. Курган 4, значительно поврежденный лисьими норами, содержал 3 погребения, сопровождавшихся целыми и разбитыми раннегончарными горшками. Вероятно, он был возведен ранее кургана 2. Сумароково относится к так называемым круглым курганам Верхнего Поднепровья, которые отражают формирование древнерусской культуры, сменившей культуру смоленских длинных курганов. Могильник располагается в пределах политии типа «вождества» с центром в Гнездово. Особое внимание привлекает курган 2. В нем отсутствовали предметы вооружения или роскоши, но сложный и трудоемкий комплекс ритуалов, совместная кремация с обладательницей богатого ожерелья наряду с синхронными сопутствующими захоронениями предполагают нерядовой социальный статус мужчины.

Ключевые слова: Смоленское Поднепровье, Сумароково, X в., круглые курганы с кремациями, сруб.

Цитирование. Енуков В. В., 2025. Курганы X в. около д. Сумароково Смоленской области // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 149–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.8>

В 1983–1985 гг. в Смоленской экспедиции МГУ под руководством Д.А. Авдусина действовал отряд с целью изучения погребальных древностей последней четверти I тысячелетия. В 1985 г. были исследованы 2 насыпи могильника у д. Сумароково Талашкинского с/с Смоленского района Смоленской области, о которых была опубликована краткая информация [Енуков, 1990, с. 111, 113, рис. 44, 46, 1–3]. Цель настоящей работы – полноценное введение материалов в научный оборот, чем автор, надо признать, с большим опозданием возвращает долг своему Учителю.

Памятник располагался на левом берегу р. Сож, в 250 м к востоку от восточной окраины деревни, у развилки дорог, ведущих к ней и пгт Монастырщина (рис. 1). Основная часть курганов занимала слабовыраженную возвышенность между рекой и безымянным ручьем. Могильник выявлен в 1920-е гг. А.Н. Лявданским [Лявданский, 1930, карта]. В конце 1940-х гг. Е.А. Шмидт обнаружил 14 курганов, из них 4 были распаханы и 3 «раскопаны неизвестно кем» [Шмидт, 1952, с. 373]. К 1985 г. сохранилось 10 насыпей в виде шарового сегмента, за исключением слегка удлинённых курганов 5 и 10, что стало следствием многолетней распашки. Во всех случаях визуально ровики не прослеживались.

Курган 1. Диаметр 22 м, высота с Ю – 4 м, с С – 3,5 м. Насыпь разрезана траншеей шириной до 5 м, глубиной более 2 м.

Курган 3. Диаметр 21 м, высота 2,4 м. Насыпь разрезана траншеей шириной до 7 м, глубиной около 1,5 м.

Курган 5. Размеры ССЗ – ЮЮВ – 9 м, ССВ – ЮЮЗ – 7 м, высота 1,1 м. Насыпь сильно попорчена норами, края распаханы.

Курган 6. Диаметр 11 м, высота 1,6 м. В центре свежая яма диаметром 3,3 м, которая в нижней части переходила в колодец, доходящий до материка.

Курган 7. Диаметр 7,5 м, высота 0,5 м. Вершина уплощена и имела небольшое, до 15 см, понижение (след старых раскопок).

Курган 8. Диаметр 17 м, высота с В – 1,6 м, с З – 2 м. В центре насыпи круглая яма диаметром 3,6 м, глубиной до 1,5 м.

Курган 9. Диаметр 30 м, высота 3,5 м. Вся верхняя часть испорчена многочисленными перекопами.

Курган 10. Длина по линии С – Ю – 21 м, ширина по линии З – В – 17 м, высота с С – 3,2 м, с Ю – 2,3 м. По длинной оси шла траншея шириной до 6 м, глубиной 1,5 м. Ее оконечности достигали подошвы.

Ниже приводится описание 2 исследованных насыпей ¹.

Курган 2

Размеры насыпи С – Ю – 15,5 м, З – В – 16 м, высота от 2,31 м с южной стороны до 2,95 м с восточной (рис. 2). С З и В вплотную к кургану подходила пашня, с Ю и С – участки, не затронутые сельхозработами. На вершине располагалась круглая в плане яма диаметром до 5,1 м и глубиной 0,8 м. Насыпь была хорошо задернована, в северной части (поле) росли береза и кустарник.

Процесс возведения кургана реконструируется следующим образом. Вокруг подошвы будущей насыпи был снят дерн с частью материка. Полученная площадка была покрыта слоем материкового серо-желтого суглинка толщиной до 10 см. Далее был разведен костер, от которого сохранилась горелая, с лакунами, прослойка с размерами по линиям С – Ю – 10,80 м, З – В – 11,75 м при толщине до 2–3 см. Для него использовался хворост, так как встреченные угольки были мелкими и редкими. В центре был возведен деревянный сруб с внешними размерами по линиям С – Ю – 7,05 м, З – В – 6,60 м. Он прослеживался только в нижней части в виде лентообразных пятен серого цвета. Стратиграфически отдельные участки дерева фиксировались выше. В западной половине профиля З – В серая прослойка перекрывала почти весь осевший край конструкции вплоть до основания, что, возможно, соотносится с оформлением входа наверх. Следы сруба отсутствовали в северо-восточном и юго-западном углах, однако последний четко «читался», несмотря на близость состава заполнения ниж-

ней части конструкции и перекрывающего ее грунта. Прослеженные по углам «отростки» указывают на соединение «в лапу». Судя по таким же выступам с западной и восточной сторон, не исключено, что сруб состоял из 3 клеток. Северная половина конструкции заметно осела, но по лучше сохранившейся южной можно констатировать, что высота над уровнем кострища достигала 1,2 м.

Первому этапу засыпки сруба соответствовал слой серо-желтого материкового суглинка с попавшими сюда с ритуального кострища золистого-угольными включениями, образующими небольшие прослойки. По его верхней границе прослеживались «глыбы» суглинка почти без продуктов горения. Максимальная толщина слоя составляла 0,6–0,7 м. На втором этапе внутренний объем сруба был досыпан. Для этого в северной его половине в основном использовалась смесь серо-желтого и красноватого суглинков, в южной – только последний, причем он в виде «языка», утончающегося до 5–10 см, перекрывал и северную часть, образуя своего рода «панцирь». На первом этапе возведения засыпки было совершено погребение 3, на втором – погребение 2.

В результате сруб превратился в платформу. Южной ее половине уделялось особое внимание: именно здесь в значительно больших объемах использовался красноватый суглинок, а площадка была укреплена прутьями, от которых сохранились отдельные отпечатки, располагавшиеся взаимоперпендикулярно, с ориентацией по сторонам света. Далее на этом участке был разведен костер, от воздействия которого образовалась местами прерывающаяся прослойка оранжевого цвета средней толщины 2–3 см. В итоге в южной части платформы сформировалась корка такой плотности, что конструкция своей гранью врезалась в дерн (рис. 2). Продукты горения были сметены, и совершено погребение 1. Его присыпали красноватым суглинком толщиной 5–10 см, прослойка которого к северу истончалась. Конструкция была перекрыта насыпью из серо-желтого суглинка, в которую попали угольки и зола ритуального кострища. Самая верхняя часть насыпи отличалась незначительной примесью продуктов горения при заметных гумусированных включениях, что, видимо, отражает присутствие в этом грунте дерна.

Все 3 обнаруженные кремации, совершенные на стороне, располагались в южной части платформы. Несмотря на установленную очередность, фактически они были синхронными.

Погребение 1 было основным, для него и была возведена платформа (рис. 3, 1). Остатки сожжения были высыпаны на ее площадку, при этом образовались разные по величине 6 скоплений из кальцинированных косточек, мелких угольков и золы. Вместе с ними были принесены отдельные горелые плахи. Между скоплениями попадались единичные косточки. Наибольшим было скопление 1. В его северо-западной части размещались относительно крупные фрагменты костей, в том числе ребер человека. По восточной границе скопления 1 кости образовывали линзовидную прослойку до 2–3 см толщиной, которая спеклась вместе с грунтом, причем кальцинированные косточки в разреженном виде располагались и на 10–15 см выше. Находки встречались по всему скоплению, но их значительное количество было отмечено в упомянутой спекшейся массе и на примыкающем с востока участке. Самыми многочисленными были стеклянные и фаянсовые бусы (рис. 4, 20–39, 5, 1–27), многие из которых превратились в слитки². Здесь же присутствовали набор бляшек (рис. 4, 1–10), 4 бронзовых гвоздика с квадратными шляпками (рис. 4, 11), обломки широкосрединных перстней (?) (рис. 4, 16, 17) и бронзовой пластины с косыми насечками и отверстиями (рис. 4, 15), фрагмент железной проволоки (рис. 5, 30), слитки бронзы (17 шт.), капли серебра (2 шт.), обломок изделия из кости с орнаментом в виде 3 параллельных линий (рис. 4, 19), 3 фрагмента стенок и 1 – донца от раннекругового сосуда.

Скопление 2 было тоже достаточно крупным, однако содержало меньше продуктов горения и костей. В числе находок – 28 таких же бронзовых гвоздиков, как и в скоплении 1 (рис. 4, 11), бубенчик (рис. 4, 14), оплавленный кусочек бронзы и очень плохой сохранности изделия из железа: подквадратная пряжка (рис. 5, 28), обломки обоймицы (рис. 5, 31) и трубочки с припаянной или прикипевшей к ней пластиной (рис. 5, 32), фрагмент еще одной трубочки (футляр для трута?) (рис. 5, 33), обломок неопределенного сильнокоррозированного предмета, а кроме того, 9 обломков ран-

некругового горшка и еще 2 немного севернее скопления. Все они, включая фрагменты из скопления 1, относятся к одному сосуду (рис. 5,34).

Остальные скопления были невелики. В скоплении 3 найдены 2 кусочка оплавленной бронзы, в скоплении 6 – фрагмент бронзовой пуговицы (рис. 4,13), в скоплении 7 – обломки изделия из кости (рис. 4,18). Между скоплениями 1 и 7 обнаружены бронзовая пуговица (рис. 4,12) и обломок железной обоймицы (рис. 5,29), около скоплений 6 и 7 – 3 неопределенных фрагмента железных изделий.

Перекоп, который шел и ниже, затронул погребение 2 незначительно. В нем были встречены 4 фрагмента стенок раннекругового сосуда, слитки бронзы (2 шт.), капли серебра (2 шт.), 3 косточки. Отмечу, что в насыпи вплоть до материка встречались следы деятельности землероев (рис. 2).

Погребение 2 располагалось в юго-западной части платформы, в слое красноватого суглинка, на 45–55 см ниже погребения 1, и было совершено в ямке грушевидной в плане формы, стенки которой плавно переходили в скругленное дно (рис. 3,2). Ее размеры: ССВ – ЮЮЗ – 80 см, ССЗ – ЮЮВ – 43–45 см при глубине до 50 см. Заполнение состояло из красноватого суглинка с небольшой примесью угольков, золы и кальцинированных косточек, равномерно распределенных по всей глубине, при этом несколько крупных костей располагались на дне.

В северной части юго-восточного сектора, в слое красноватого суглинка, находилась ямка с почти отвесными стенками размером 67 × 45 см, глубиной 5–7 см. Заполнение состояло из серо-желтого суглинка с небольшой примесью продуктов горения. На дне количество последних возрастало, образуя прослойку в 1–2 см. Верхний уровень ямы был на 21 см выше погребения 2.

Погребение 3 было совершено в юго-восточном углу сооружения на высоте 60–65 см от погребенной почвы (рис. 3,3). На этом уровне платформа имела вид почти правильного в плане прямоугольника, значительную часть которого занимал желто-серый суглинок первого этапа заполнения, однако присутствовали и грунты второго этапа: в юго-западной части – красноватый суглинок, в се-

верной – смесь такого же грунта с серо-желтым суглинком. Погребение располагалось на несколько сантиметров ниже границы слоя красноватого суглинка. Оно было совершено в ямке квадратной в плане формы размерами 1,10 × 0,80–0,85 м и глубиной 7–10 см. На ее дне помещена нижняя часть лепного горшка (рис. 5,35), в которой было небольшое количество тщательно отобранных от продуктов горения косточек.

Курган 4

Изначально насыпь имела форму шарового сегмента, однако была сильно разрушена лисьими норами, частью не заполненными грунтом, с современным мусором и костями животных (рис. 6). Курган зарос сорняками. Размеры насыпи составляли: С – Ю 18,5 м, З – В 17,25 м, максимальная высота (с В) 2,45 м, минимальная (с З) 2,06 м (рис. 6). Незначительная удлиненность стала следствием распахки, которая с Ю – З и С – В подходила вплотную к кургану. Судя по нераспаханным останкам с Ю – В и С – З, дерн и частично материк вокруг будущей насыпи были срезаны, после чего площадка с дерном была посыпана материковым суглинком толщиной до 10–15 см. На ней был разведен костер, от которого сохранилась тонкая, местами прерывавшаяся прослойка толщиной 1–3 см. Все погребения были выполнены по обряду сожжения на стороне.

Погребение 3 располагалось под насыпью кургана, в северо-восточном секторе. На фоне остатков ритуального кострища оно выделялось прослойкой более темного цвета из продуктов горения с кальцинированными косточками. Ее размеры: С – Ю 2,1 м, З – В 2,6 м, максимальная толщина в центре 7–10 см. С востока примыкала зона распространения обломков 2 раннекруговых горшков: один представлен верхней частью (рис. 8,1), второй – несколькими фрагментами стенок. К Ю – З от пятна погребения располагалось несколько горелых плашек.

Далее была возведена насыпь высотой 40–50 см из серо-желтого суглинка с примесью продуктов горения. На ее вершине были размещены остатки большей частью уничтоженного норами погребения 2, от которого сохранились только отдельные участки. Все они располагались на одном уровне, что сви-

детельствует в пользу специально выровненной площадки.

Участок 1 погребения 2 представлял собой скопление кальцинированных костей с продуктами горения, спекшихся с окружающим грунтом, толщиной до 3 см, под которым был прокал оранжевого цвета толщиной 3–5 см. Здесь были найдены фрагменты стенки сосуда и предмета из кости со срезом (рис. 7,4), а также обломок пережженного гранита. Участок 2 имел такую же стратиграфическую схему. Обнаружены 2 слитка бронзы. Аналогичен стратиграфический состав участка 3, однако в его пределах кальцинированные косточки, наряду с которыми встречались фрагменты керамики, были единичными. Между участками, в перемешанном грунте, присутствовало довольно много кальцинированных костей, слитков бронзы и отдельные обломки керамики. Все обнаруженные фрагменты принадлежали одному специально разбитому раннекруговому сосуду (рис. 8,2). К В и Ю – В от участков сохранились «островки» прокала оранжевого цвета, что наряду с другими следами воздействия огня свидетельствует о ритуальном костре, предваряющем погребение.

Далее курган был досыпан тем же грунтом. Судя по сохранившимся от разрушений участкам, вершина этой части насыпи была уплощена, и на ней у южного края, на высоте 1,2 м от уровня подошвенной подсыпки, было совершено погребение 1, которому соответствовал развал раннекругового сосуда, изначально стоявшего (рис. 7,6). В его заполнении были кальцинированные кости с небольшим количеством продуктов горения. Под ним, до глубины 15 см, с небольшим смещением к 3, располагались фрагменты нижней части другого раннекругового горшка, причем один из них был встречен в развале урны. Видимо, второй сосуд был помещен рядом с ней, однако разрушен лисьей норой, что, в свою очередь, объясняет отсутствие дна урны. Около нее были найдены бронзовая спиралька (рис. 7,5), обломок оплавленной бусины (рис. 7,1), слиток бронзы и фрагмент неопределенного железного предмета.

В самой крайней южной части насыпи, на высоте 32 см от уровня подсыпки, располагались развалы 2 раннекруговых горшков, у одного из которых отсутствовала верхняя часть

(рис. 7,7,8). По положению донцев изначально они стояли. По высоте расположения они могут соотноситься с погребением 2. Однако в южной оконечности профиля С – Ю видно, что на склоне насыпи из серо-желтого суглинка с золисто-угольными включениями присутствовала своего рода «полочка», которая по высоте соответствует уровню размещения сосудов. Таким образом, они могут быть связаны и с погребением 1, в пользу чего также свидетельствует близость их расположения.

На завершающем этапе курган был досыпан серо-желтым суглинком с примесью гумуса. По всей потревоженной части насыпи встречались отдельные кальцинированные косточки. В ней были найдены осколок тонкого бесцветного стекла (рис. 7,3) и кусочек оплавленного стекла зеленого цвета (рис. 7,2), а также 4 фрагмента стенок раннекругового сосуда.

Обратимся подробнее к инвентарю. Особой многочисленностью находок отличается погребение 1 кургана 2, которое явно было основным на фоне 2 сопутствующих. В количественном отношении центральное место занимает ожерелье, в которое с учетом слитков входило не менее 134 стеклянных бусин. Основная их часть представлена изделиями из тянутых трубочек, в том числе двух-, изредка трехчастных пронизок (рис. 4,29–39, 5,1–25). В случаях, когда они меньше пострадали от огня, «читается» их лимоновидная форма и цвет – синий и желтый с заметным преобладанием последнего. Эти украшения были широко распространены в конце I тысячелетия. Они хорошо известны на Центральном городище Гнездово [Доброва, 2018, рис. 3,1–15], однако несравненно чаще встречаются в курганах [Лихтер, Щапова, 1991, с. 253]. Одночастные лимонки и двухчастные пронизки в Старой Ладоге появляются с 930-х гг. [Львова, 1968, с. 88], что в целом находит свое соответствие в Гнездове [Френкель, 2007, с. 95; Доброва, 2018, с. 109], и исчезают к середине XI в. [Колчин, 1982, с. 168; Захаров, 2004, с. 40]. Сильно деформированная бусина с продольными сине-белыми полосками (рис. 5,26) также выполнена из тянутой трубочки. Такие украшения распространяются еще в VIII–IX вв. [Львова, 1968, с. 85; Рябинин, 1982, с. 173], «доживая» до 970-х гг. [Френкель, 2007, с. 98; Доброва, 2018, с. 119, 120].

Ребристые фаянсовые бусы, на некоторых из которых прослеживается покрытие бирюзового цвета, образуют серию из 2 крупных (рис. 4,22,23) и 7 меньших в 1,5–2 раза (рис. 4,20,21,24–28). Они известны на древнерусских памятниках, в том числе в Гнездово [Доброва, 2015, с. 325, 326; 2017, с. 248; 2021, с. 94, 96]. Я.В. Френкель специально обратился к хронологии этих изделий, включив их в группу «эффектных» и датировав серединой X – серединой XI в. [Френкель, 2007, с. 83, 93, 98, 99, 104, рис. 7, прим. IV]. Крупная бусина из прозрачного бесцветного стекла была буквально смята при воздействии огня (рис. 5,27). Похожее изделие из пойменной части поселения Гнездова было отнесено исследователем к типу I–3–Г–2 с дефиницией «техника исполнения не очевидна» [Френкель, 2007, с. 81], что приложимо и к нашей находке.

В целом количество бус в погребениях в Гнездово часто невелико, что указывает на их высокую ценность для населения [Лихтер, Щапова, 1991, с. 254]. На этом фоне ожерелье из Сумароково следует считать «богатым».

В ряду изделий из цветных металлов выделяется набор бляшек, из которых 6 мелких имеют одинаковую сердцевидную форму с боковыми округлыми лепестками и центральным расширяющимся лепестком (рис. 4,1–6). По схеме В.В. Мурашовой они соответствуют виду 1Б класса XVIII [2000, с. 41, 42, рис. 52]. Известны в курганах Гнездово [Сизов, 1902, табл. III,44,45] и Седнева [Самоквасов, 1916, рис. 64,3471; Комар, 2012а, рис. 18,8], в слое пожара 946 г. в Искоростене [Звиздецкий и др., 2008, с. 115; Комар, 2012б, рис. 22,13]. Крупная бляшка (рис. 4,7) относится к виду 1Д–1 того же класса [Мурашова, 2000, с. 41, 42, рис. 52]. В Гнездово такие изделия появляются не ранее 950-х гг. [Новиков и др., 2018, с. 369, 370, рис. 27,3].

Якоревидные накладки (рис. 4,9,10) встречены в курганах (8 экз.) [Спицын, 1905, рис. 50; Государственный каталог Музейного фонда РФ, 2024а] и на поселении (1 экз.) Гнездово [Новиков и др., 2018, с. 368, рис. 27,5], во владимирских курганах (2 экз.) [Государственный исторический музей, 2024; Государственный каталог Музейного фонда РФ, 2024б], в Искоростене (1 экз.) [Звиздецкий и др., 2008, рис. на с. 115]. Почти полная идентичность

наводит на мысль о возможности их изготовления в одной мастерской, вполне вероятно, в Гнездово. Напротив, бляшка в виде головы медведя (рис. 4,8) относится к числу редких находок, которые проанализировал И.И. Еремеев. Помимо сумароковской им были учтены изделия из ур. Юрьевы Горы под Усвятом, поселения Бутиково в Поочье и из слоя пожара 946 г. в Искоростене. Все они отнесены к числу скандинавских, причем последние 3 выполнены в стиле Борре [Еремеев, 2015, с. 415, 471]. Однако бляшка из Сумароково, отличающаяся реализмом при отсутствии столь характерного для этого стиля заполнения пространства замкнутыми композициями, явно выпадает из этого ряда. Общий облик головы животного без наличия на ней декора гораздо ближе к изображению на круглой бляшке из кургана 2 Арефино культуры смоленских длинных курганов (КСДК), однако поле вокруг нее декорировано в том же стиле Борре [Нефедов, 2011, с. 76, рис. 1,4]. Нельзя не вспомнить очень похожие, в ряде случаев практически совпадающие с сумароковским изображением медвежьей головы на бронзовых изделиях V–IX вв. Верхнего Прикамья, которые, однако, часто были вписаны в «обрамление» [Липина, 2006, рис. 6,6,9, 11,9, 12]. Во 2-й половине X в. в Волжской Болгарии появляются ременные накладки, в числе которых наряду с преобладающими абстрактными «масками» встречаются и близкие сумароковской [Казаков, 1992, рис. 102,65–73]. В отсутствие точных аналогий можно предположить, что бляшка из Сумароково является результатом синтеза разных традиций.

Якоревидную накладку с Гнездовского поселения авторы публикации связывают с оформлением сумки [Новиков и др., 2018, с. 368, рис. 27,5,7]. Косвенно такой вариант интерпретации подтверждается комплектом накладок на сумку из погребения 93 Бирки, якоревидные бляшки которой, однако, отличались массивностью и декором [Arbman, 1940, taf. 91,1]. Полагаю, весь набор найденных в Сумароково бляшек украшал ташку, к которой имели отношение и многочисленные гвоздики (рис. 4,11). Размер стержней до загиба у них составляет в среднем 3,2 мм, у бляшек – 2,1 мм. Исходя из этого, первыми скреплялось вместилище из кожи (?), тогда как вторые

украшали клапан. В древностях Восточной Европы и Скандинавии сумочки хорошо известны с X в. [Никитина и др., 2022, с. 147]. Уже традиционно их гендерная принадлежность определяется как мужская, при этом сумки являются нередкими в камерных погребениях древнерусской элиты [Михайлов, 2016, с. 113, 114, табл. 4, 5].

Остальные предметы из погребения 1 кургана 2 единичны, за исключением 2 пуговиц (рис. 4,12,13). По типологии Е.М. Казакевич и Н.В. Ениосовой на основе материалов Гнездова находки из Сумароково относятся к литым массивным биконическим без экватора с радиальным рифлением. Появление пуговиц авторы относят к середине X в., хотя и отмечают находки гладких биконических, присутствовавших еще в КСДК [Казакевич, Ениосова, 2021, с. 231, 234, 236], в погребениях которой они хорошо представлены [Нефедов, 2020, рис. 3,10–19]. Следовательно, пуговицы как деталь одежды могли появиться в Гнездово ранее середины X в., но для рифленых предложенную хронологию можно принять.

Бронзовый штампованный шаровидный крепостопорезной бубенчик с рифлением (рис. 4,14) соответствует типу 3 по С.А. Плетневой и своим происхождением связан, соответственно, с салтовскими древностями [Плетнева, 1989, с. 107, рис. 58]. Предметы из кости представлены обломками 2 изделий (рис. 4,18,19), последнее из которых очень близко к фрагментированной рукояти ножа из погребения 42 языческого могильника Пскова [Малышева, 2012, с. 155, табл. XXVI,1–3]. В остальных случаях культурно-хронологическая атрибуция находок затруднена в силу их сохранности. Погребение 1 кургана 2 было парным: маркером мужского присутствия является ташка и, вероятно, предметы из железа, женского – ожерелье из бус.

Находки из кургана 4 выглядят заметно скромнее. Фрагмент крупной бесцветной бусины из погребения 1 (рис. 7,1), вероятно, относится к лимоновидным, известным в Гнездово [Доброва, 2017, рис. 1,А], памятниках на Кубенском озере [Захаров, Кузина, 2008, рис. 163,1–9]. По ладожским материалам они появляются в X веке [Львова, 1968, с. 88]. В этом же погребении встречен обломок крупной бронзовой спирали (рис. 7,5), которые нередко входили в состав украшений КСДК

[Енуков, 1990, с. 55, рис. 14,16, 15,3]. Судя по этим находкам, захоронение было женским.

Остальные предметы из кургана 4 фрагментированы и трудноопределимы. Своего рода компенсацией за информационную скудность инвентаря являются находки раннекруговой посуды³. Вся она имеет аналогии в керамике Гнездова, при этом относится к ведущей форме А (эсовидные) по классификации Е.В. Каменецкой. Горшок из погребения 1 (рис. 7,6) соответствует типу II-1, из насыпи – типу III-1 (рис. 7,7), из погребений 2 и 3 (рис. 8,1,2) близок к типу I-1. В кургане 2 реконструирован только один горшок (рис. 4,34) типа V-2 той же формы [Каменецкая, 2019, с. 33–35]. Исследователь выделяет сосуды, которые являются культурно-хронологическими маркерами. Горшок из погребения 1 кургана 4 находит соответствие в группе I «моравского» типа с «предварительной датировкой» 930–950-е гг., из погребения 1 кургана 2 входит в группу II сосудов с валиками середины 950–970-х годов. Лепной горшок из погребения 2 того же кургана не отрицает эту хронологию ввиду сосуществования такой посуды с раннекруговой достаточно долго [Каменецкая, 2014, с. 142, 143, 145]. В свою очередь, в литературе уже был сделан вывод о том, что раннекруговая посуда Смоленщины мало отличается от гнездовской [Шарганова, 2011, с. 201].

Таким образом, курган 2 по сочетанию ребристых и продольно-полосатой бус, пуговиц, бляшки и сосуда датируется серединой 950-х – 970-ми гг., чему не противоречат и другие находки. По керамике курган 4 был возведен ранее, в 930–950-е гг., хотя нельзя исключать возможность синхронности обеих насыпей в пределах середины X века.

При анализе инвентаря значительная часть аналогий отмечалась в расположенном неподалеку (24 км) Гнездово, однако сравнение обрядности дает иной результат. Упрощая ее облик, к числу характерных для Сумароково ритуалов можно отнести наличие нескольких этапов в возведении насыпи, между которыми не было заметных хронологических промежутков, кремации на стороне, преобладание их размещения в насыпи и ритуала битья посуды. В курганах Гнездова господствовали сожжения на месте, на уровне древнего горизонта, в 2/3 случаев остатки кремаций были

собранны в урны, а редкие погребения в насыпях и кремации на стороне расцениваются как отступления от общепринятой нормы [Жарнов, 1992, с. 5, 8, 9; Каменецкая, 2019, с. 62, 63].

В Смоленском Поднепровье курганы X в. вне Гнездово изучены несравненно слабее, однако в них отход от гнездовского «канона» к набору черт обрядности сумароковского варианта превалирует, что еще более характерно для территории смежного Гомельско-Могилевского Поднепровья [Енуков, 1990, с. 106–111, 157–167]. В Верхнем Посожье особый интерес представляют ближайшие к Сумароково могильники Кушлянщина и Кошино [Ширинский, 2001]. В них наряду с уже отмеченными ритуалами стратиграфически зафиксированы случаи поэтапности: это курганы 4 и 6 в Кушлянщине, 2 и 3 в Кошино. В результате Сумароково, несмотря на некоторое своеобразие, укладывается в общее русло обрядности обширного региона.

Специфичность Сумароково особенно ярко проявляется в большом по размерам срубе кургана 2. Такие конструкции хорошо известны в КСДК, однако распределяются неравномерно: на Смоленщине пока отмечен единственный подобный случай в Акатово [Шмидт, 1962, с. 193, 194], тогда как остальные открыты за ее пределами, в Полоцкой земле (Скрабы, Торопец 2, Речане, Макеево, Озерцо I и II, Прилуки) [Лесман, 1987; Штыхаў, 1992, с. 173, 174; Археологическая карта России, 2007, с. 196, 197; Войтехович, Дернович, 2014, с. 300–302; Войтехович, 2016; Еремеев, 2023а, с. 418]. Вполне вероятно, под влиянием населения этой обширной территории и было использовано нехарактерное для Смоленского Поднепровья сооружение⁴.

Курганы в Сумароково принадлежат к группе так называемых круглых курганов с сожжениями, которые в Верхнем Поднепровье отражают начало формирования древнерусской археологической культуры [Енуков, 1990, с. 105–122; Жарнов, 1992, с. 9–11], сменяющей в X в. КСДК. Носители последней практически бесспорно отождествляются с кривичами «Повести временных лет». Отголоски предшествующей обрядности в Сумароково можно усмотреть в наличии нескольких погребений вкупе с поэтапностью возведения, что, однако, было уже результатом единовременного акта и не приводило к удлине-

нию насыпи. Поэтапность, напомним, отмечалась и в расположенных неподалеку могильниках Кошино и Кушлянщина. В одном из погребений последнего были встречены украшения КСДК вместе с обломками типичного для нее лепного горшка, а в ряде других – аналогичная керамика в сочетании с раннекурговой, причем одна насыпь с таким набором посуды перекрывала участок поселения КСДК с постройкой [Ширинский, 2001, табл. XIII, XIV]. Фиксация, по крайней мере в верховьях Сожа, фазы «пост-КСДК» свидетельствует в пользу участия аборигенов в формировании нового населения и подтверждает вероятность выдвинутого предположения.

Сумароковский могильник располагается на территории политии типа «вождества» с центром в Гнездово [Щавелев, Фетисов, 2022, карта 2]. Наряду с другими памятниками Сумароково маркирует важный участок логистики – переход из Сожа в Днепр [Нефедов, 2012, с. 94, рис. 2]. В значительных размерах насыпей курганов, высота которых до разрушения составляла более 3 м, прослеживается стремление придать им элитарный облик, что отмечалось как раз на примере кладбищ Гнездова и его окружи, в том числе и в верховьях Сожа [Жарнов, 1991, с. 216; Еремеев, 2023б, с. 88, 90, 91]. Особое внимание, конечно, привлекает сумароковский курган 2. В нем отсутствовали предметы вооружения или роскоши, но сложный и трудоемкий комплекс ритуалов, совместная кремация с обладательницей богатого ожерелья наряду с синхронными сопутствующими захоронениями предполагают нерядовой социальный статус мужчины⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коллекция находок хранится в музее кафедры археологии МГУ.

² Приношу благодарность Е.К. Столяровой за консультацию по бусам.

³ Крайне признателен О.Л. Шаргановой, выполнившей фото и прориси сосудов.

⁴ В Полоцкой земле, в отличие от Смоленщины, на протяжении всего X в. население КСДК росло, определяя его демографическую основу вплоть до XI в. [Енуков, 1990, с. 122–126; Плавинский, 2019, с. 112, 113].

⁵ Благодарю Н.А. Кренке и А.А. Балашова за помощь при подготовке статьи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

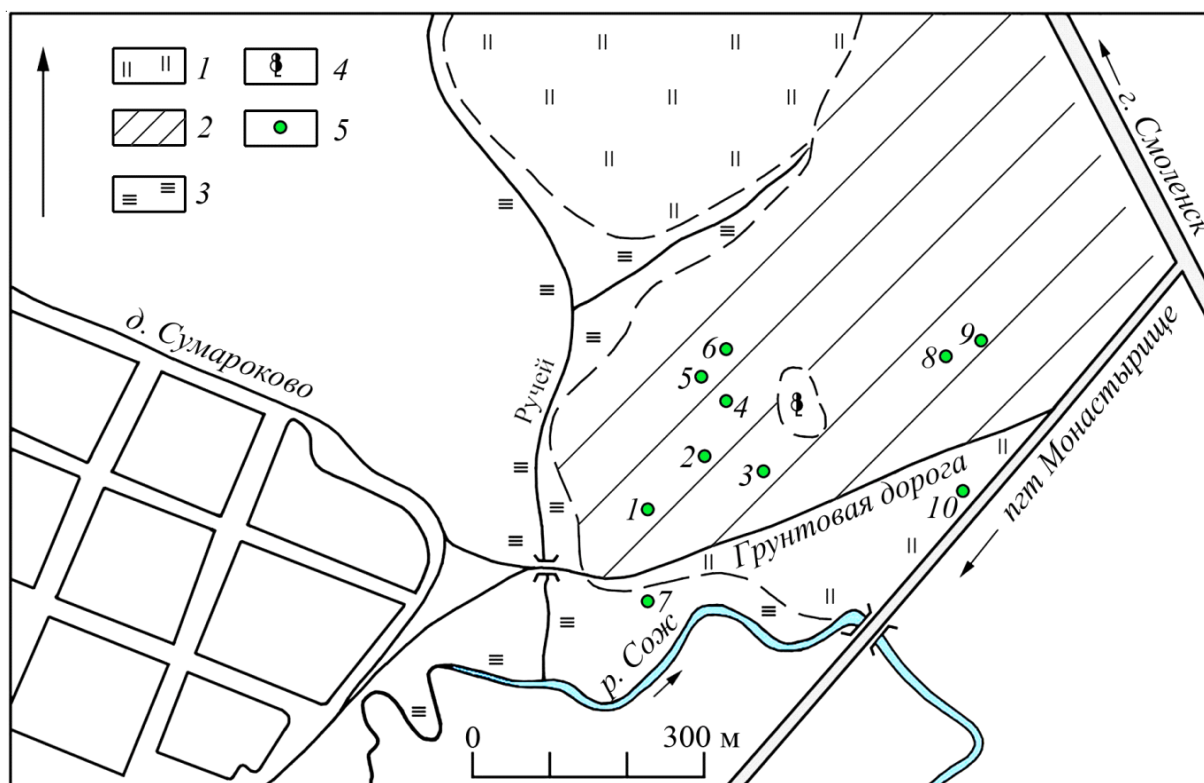


Рис. 1. Курганы у д. Сумароково (по состоянию на 1985 г.):

1 – луг; 2 – пашня; 3 – заболоченные участки; 4 – деревья; 5 – курган (схема автора)

Fig. 1. Kurgans near the village of Sumarokovo (as of 1985):

1 – meadow; 2 – arable land; 3 – marshy areas; 4 – trees; 5 – kurgan (map by the author)

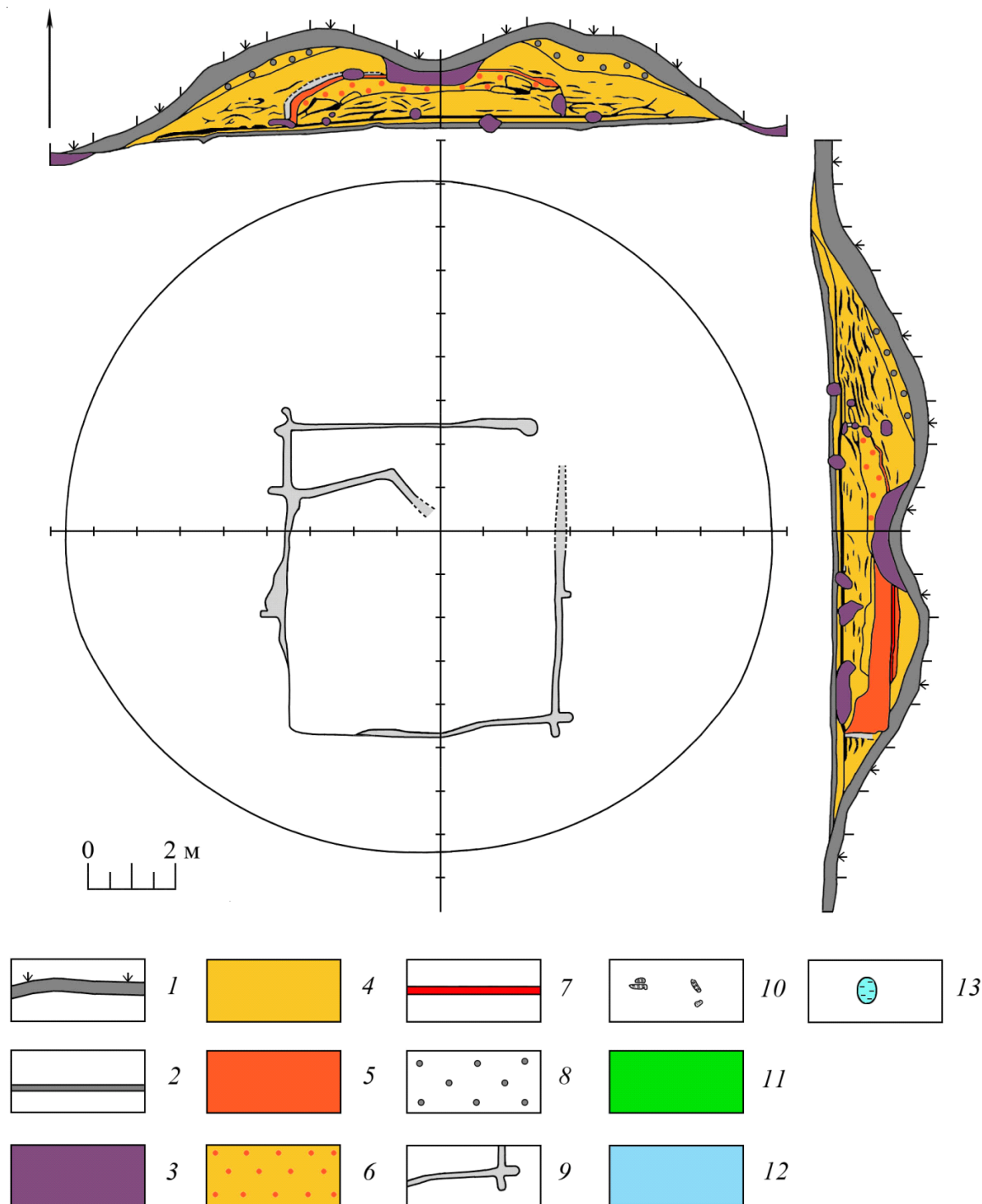


Рис. 2. Сумароково. Курган 2:

1 – дерн; 2 – погребенный дерн; 3 – перекоп, старый пахотный слой;
 4 – серо-желтый суглинок; 5 – красноватый суглинок; 6 – серо-желтый суглинок с примесью красноватого;
 7 – прокаленный оранжевый грунт; 8 – гумусированные включения; 9 – серый грунт; 10 – горелые плашки;
 11 – кальцинированные кости с продуктами горения; 12 – зона концентрации находок;
 13 – участок с высокой концентрацией кальцинированных костей и находок (чертежи автора)

Fig. 2. Sumarokovo. Kurgan 2:

1 – greensward; 2 – buried turf; 3 – dug, old arable layer; 4 – grey-yellow loam; 5 – reddish loam;
 6 – grey-yellow loam with an admixture of reddish; 7 – calcined orange soil; 8 – humus inclusions; 9 – grey soil;
 10 – burnt planks; 11 – calcined bones with combustion products; 12 – zone of concentration of finds;
 13 – area with a high concentration of calcined bones and finds (drawings by the author)

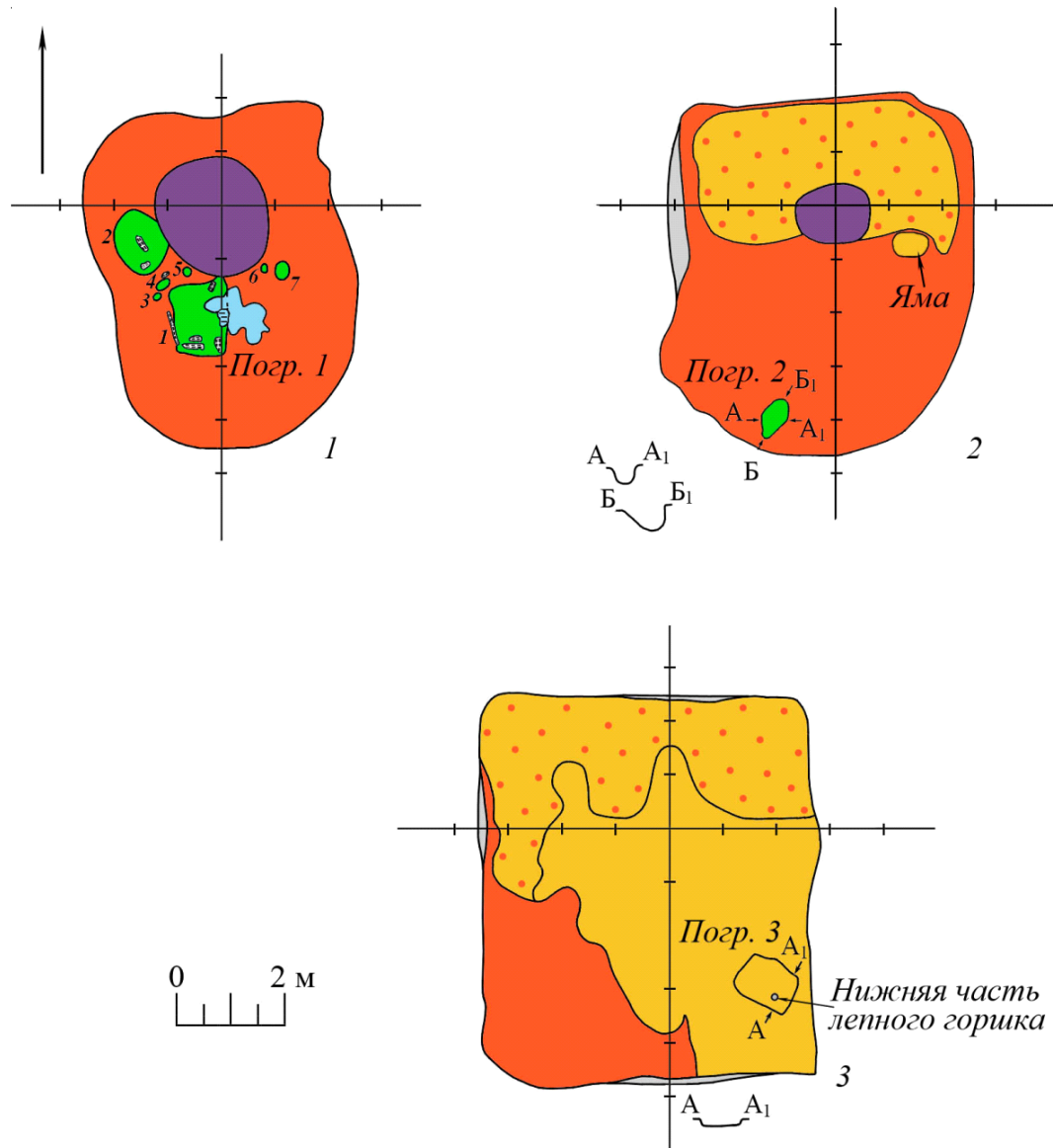


Рис. 3. Сумароково. Курган 2. Планы погребений (чертежи автора)

Fig. 3. Sumarokovo. Kurgan 2. Burial plans (drawings by the author)



Рис. 4. Сумароково. Курган 2, погребение 1. Находки:

1–17 – бронза; 18, 19 – кость; 20–28 – фаянс; 29–39 – стекло (иллюстрации автора)

Fig. 4. Sumarokovo. Kurgan 2, burial 1. Finds:

1–17 – bronze; 18, 19 – bone; 20–28 – faience; 29–39 – glass (illustrations by the author)



Рис. 5. Сумароково. Курган 2, погребение 1 (№ 1–33) и 3 (№ 35). Находки:

1–27 – стекло; 28–33 – железо; 34, 35 – керамика (иллюстрации 1–33 – автора, 34, 35 – О.Л. Шаргановой)

Fig. 5. Sumarokovo. Kurgan 2, burial 1 (nos. 1–33) and 3 (no. 35). Finds:

1–27 – glass; 28–33 – iron; 34, 35 – ceramics (illustrations 1–33 – by the author, 34, 35 – by O.L. Sharganova)

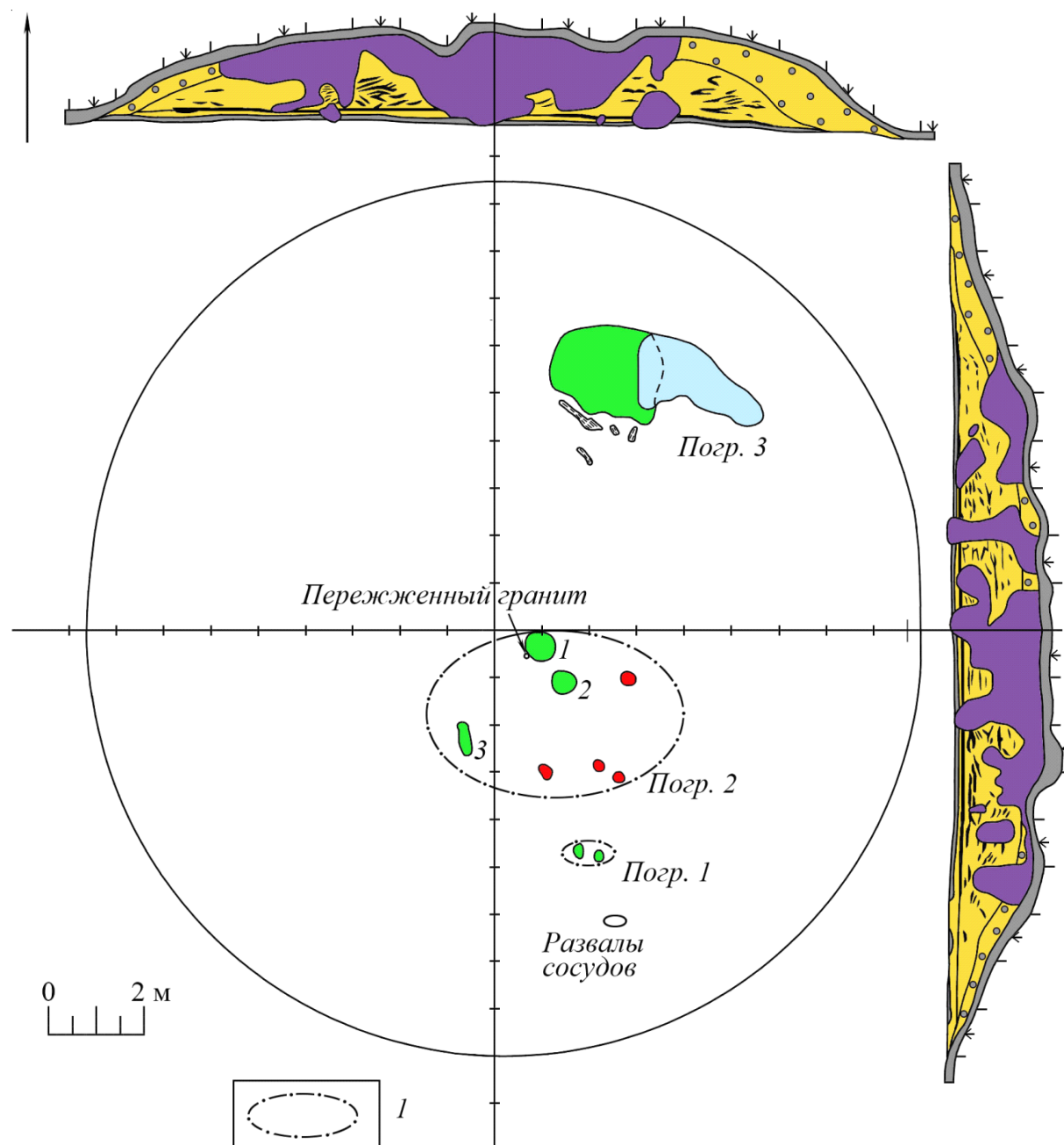


Рис. 6. Сумароково. Курган 4:

1 – примерные границы разрушенных погребений (чертежи автора)

Fig. 6. Sumarokovo. Kurgan 4:

1 – approximate boundaries of destroyed burials (drawings by the author)

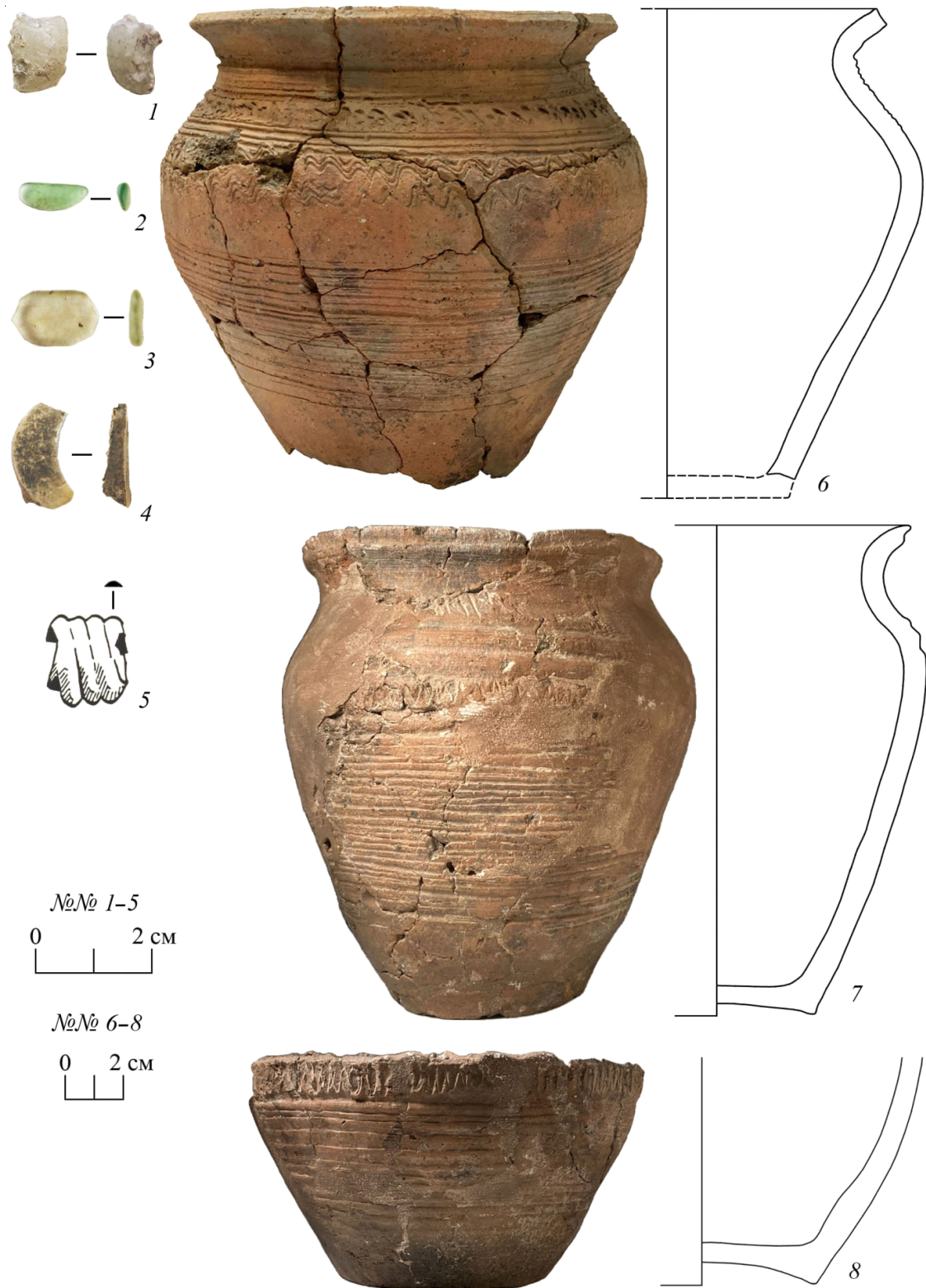


Рис. 7. Сумароково. Курган 4. Находки:

1, 5, 6 – погребение 1; 2, 3, 7, 8 – насыпь; 4 – погребение 3. 1–3 – стекло; 4 – кость; 5 – бронза;
6–8 – керамика (иллюстрации 1–5 – автора; 6–8 – О.Л. Шаргановой)

Fig. 7. Sumarokovo. Kurgan 4. Finds:

1, 5, 6 – burial 1; 2, 3, 7, 8 – mound embankment; 4 – burial 3. 1–3 – glass; 4 – bone; 5 – bronze;
6–8 – ceramics (illustrations 1–5 by the author, 6–8 – by O.L. Sharganova)

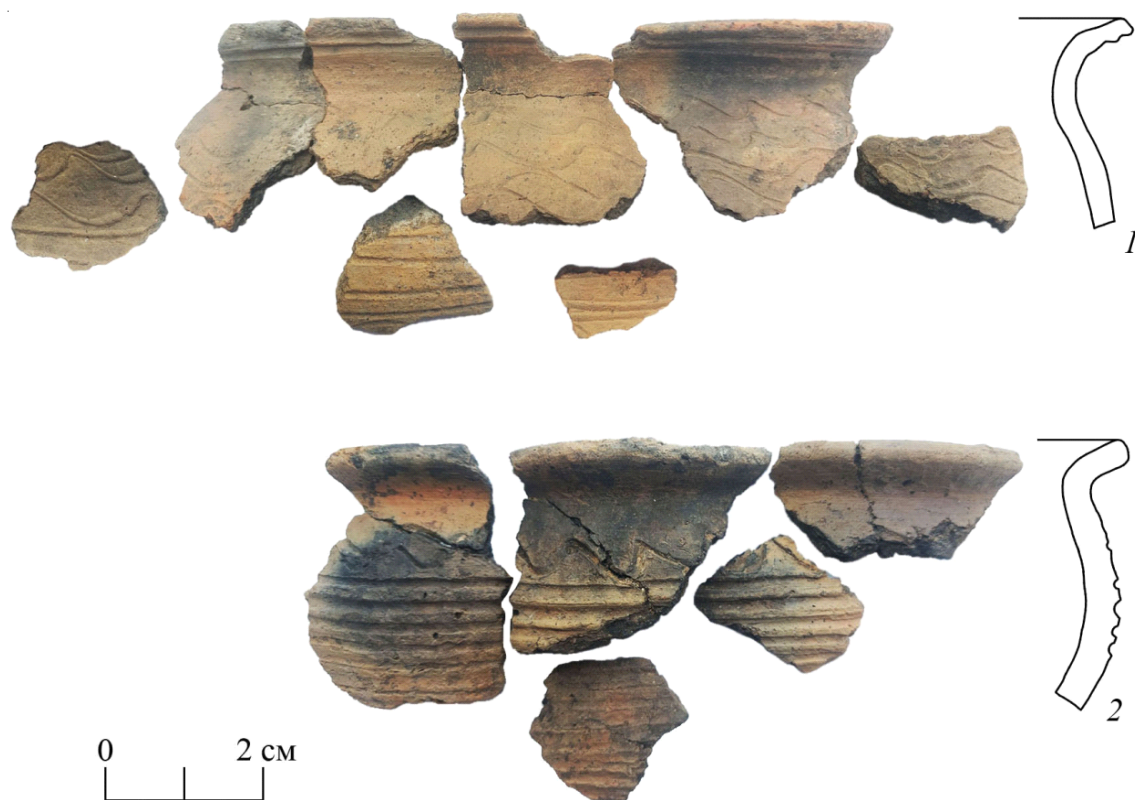


Рис. 8. Сумароково. Курган 4. Керамика:
1 – погребение 3; 2 – погребение 2 (иллюстрации автора)
Fig. 8. Sumarokovo. Kurgan 4. Ceramics:
1 – burial 3; 2 – burial 2 (illustrations by the author)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России. Тверская область, 2007. Ч. 2. М. : ИА РАН. 437 с.
- Войтехович А. В., 2016. Курганы с погребениями кремаций в верховьях реки Птичь // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побоя. Кн. 2. Минск : Беларус. навука. С. 179–196.
- Войтехович А., Дернович С., 2014. Курганные могильники в районе поселенческого комплекса на р. Менке // Гісторычна-археалагічны зборнік. № 29. С. 300–306.
- Государственный исторический музей, 2024. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6387282?page=29&query=владимирские%20курганы&fund_ier=647756450_647756730&index=1408
- Государственный каталог Музейного фонда РФ, 2024а. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=накладка%20на%20сумку&museumIds=239&imageExists=null>
- Государственный каталог Музейного фонда РФ, 2024б. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39303489>
- Доброва О. П., 2015. Бусы из погребения в камере кургана Ц-212 и некоторые аспекты количественного распределения бус в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова : материалы 60-го заседания. Вып. 30. М. ; Псков ; СПб. : Нестор-История. С. 322–327.
- Доброва О. П., 2017. Бусы из погребений по обряду ингумации Гнёздовского могильника // Поволжская археология. № 4 (22). С. 236–257.
- Доброва О. П., 2018. Стекланные бусы Гнездова по материалам раскопок Центрального городища // Гнездовский археологический комплекс : материалы и исследования. Вып. 1. М. : ГИМ. С. 103–127.
- Доброва О. П., 2021. Бусы из дореволюционных раскопок Гнёздова (по материалам фондов ГИМ) // Гнездовский археологический комплекс : материалы и исследования. Вып. 2. М. : ГИМ. С. 85–99, 445–458.
- Енуков В. В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М. ; Курск : КГПИ. 262 с.
- Еремеев И. И., 2015. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб. : Дмитрий Буланин. 696 с.
- Еремеев И. И., 2023а. Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X в. Начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий. В 2 т. Т. 1. Раннесредневековая славянская колонизация в Восточно-Балтийском регионе. Методология изучения, географический контекст, археологические памятники. СПб. : ИИМК РАН. 808 с.
- Еремеев И. И., 2023б. Славяне и норманны к северу от Днепра до начала X в. Начальные этапы славяно-скандинавских этнокультурных взаимодействий в Восточно-Балтийском регионе по данным археологии. В 2 т. Т. 2. Норманны и погребальный обряд Ильмень-Волховского региона. СПб. : ИИМК РАН. 432 с.
- Жарнов Ю. Э., 1991. Женские скандинавские погребения в Гнездово // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М. : Изд-во МГУ. С. 200–222.
- Жарнов Ю. Э., 1992. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 23 с.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М. : Индрик. 592 с.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. Материальная культура и хронология. М. : Наука. С. 142–215.
- Звіздецький Б. А., Польгуй В. І., Петраускас А. В., Сірко О. В., Осадчий Є. М., 2008. Дослідження Іскоростеня 2005–2008 рр. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. 1. Коростень. С. 113–117.
- Казакевич Е. М., Ениосова Н. В., 2021. Металлические пуговицы Гнёздовского археологического комплекса X – начала XI в. // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А.В. Григорьева. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 230–247.
- Казаков Е. П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М. : Наука. 225 с.
- Каменецкая Е. В., 2014. К вопросу о хронологии и топографии Гнездова по керамическому материалу // Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Вып. 198. М. : ГИМ. С. 141–151.

- Каменецкая Е. В., 2019. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М. ; Смоленск : КДУ : Университет. кн. 244 с.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник : 50 лет раскопок Новгорода. М. : Наука. С. 156–177.
- Комар А. В., 2012а. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М. ; Вологда : Древности Севера. С. 335–365.
- Комар А. В., 2012б. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М. ; Вологда : Древности Севера. С. 300–333.
- Лесман Ю. М., 1987. Торопецкий могильник культуры длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 66–67.
- Липина Л. И., 2006. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 244 с.
- Лихтер Ю. А., Щапова Ю. Л., 1991. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселений // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М. : Изд-во МГУ. С. 244–259.
- Львова З. А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 10. С. 64–95.
- Ляўданскі А. Н., 1930. Археалагічныя досьледы ў вадазборах рр. Сожа, Дняпра, Касплі ў Смаленскай губерніі // Працы секцыі археалёгіі. Т. II. Мінск. С. 269–338.
- Малышева Н. Н., 2012. Приложение 2. Каталог погребений // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI в. Т. 1. СПб. : Нестор-История. С. 113–195.
- Михайлов К. А., 2016. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североамериканских аналогий. СПб. : Бранко. 272 с.
- Мурашова В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М. : Эдиториал УРСС. 135 с.
- Нефедов В. С., 2011. Смоленские кривичи и Русь: североамериканские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. ; М. ; В. Новгород : ИИМК РАН. С. 75–77.
- Нефедов В. С., 2012. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства : сб. материалов междунар. науч. конф. (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.). Вологда : Древности Севера. С. 89–113.
- Нефедов В. С., 2020. Древности салтовского круга в смоленских длинных курганах // Хазарский альманах. Т. 17. М. : Индрик. С. 151–174.
- Никитина Т. Б., Тюрк А., Янчик Б., 2022. Сумочка из погребения 8 Красногорского могильника // Поволжская археология. № 4 (42). С. 137–158.
- Новиков В. В., Пушкина Т. А., Добровольская Е. В., Доброва О. П., 2018. Археологическое изучение северо-западной части Центрального поселения Гнездовского комплекса археологических памятников // Гнездовский археологический комплекс : материалы и исследования. Вып. 1. М. : ГИМ. С. 349–394.
- Плавинский Н. А., 2019. На западных рубежах кривичского мира // Край Смоленский. № 2. С. 111–114.
- Плетнева С. А., 1989. На славянско-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М. : Наука. 285 с.
- Рябинин Е. А., 1982. Бусы Старой Ладogi (по материалам раскопок 1973–1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. С. 173–185.
- Самоковасов Д. Я., 1916. Могильные древности Северянской Черниговщины. М. : Синод. тип. 103 с.
- Сизов В. И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // Материалы по археологии России. № 28. 136 с.
- Спицын А. А., 1905. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия археологической комиссии. Вып. 15. СПб. С. 6–70.
- Френкель Я. В., 2007. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании анализа коллекции стекланных и каменных бус X по материалам раскопок 1999–2003 гг. // Гнездово: результаты комплексных исследований памятника. СПб. : Альфарет. С. 78–117.

- Шарганова О. Л., 2011. Керамика Смоленского Поднепровья конца I – начала II тыс. н.э. (технология и морфология) : дис. ... канд. ист. наук. М. 444 с.
- Ширинский С. С., 2001. Курганы IX – начала XI в. в верховье р. Сож у д.д. Кушлянщина и Кошино // Смоленские древности. Вып. 1. Смоленск. С. 113–175.
- Шмидт Е. А., 1952. Новые данные об археологических памятниках Смоленской области // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск : Смолгиз. С. 368–408.
- Шмидт Е. А., 1962. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области // Советская археология. № 4. С. 189–196.
- Штыхаў Г. В., 1992. Крывічы: на матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск : Наука и техника. 191 с.
- Щавелев А. С., Фетисов А. А., 2022. Карта вожества X в. в Верхнем Поднепровье: к методике пространственной реконструкции архаических политий // История. Т. 13, вып. 8 (118). URL: <http://history.jes.su>
- Arbman H., 1940. Birka I. Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Tafeln : Uppsala. 310 S.

REFERENCES

- Arheologicheskaya karta Rossii. Tverskaya oblast'* [Archaeological Map of Russia. Tver Region], 2007. P. 2. Moscow, IARAS. 437 p.
- Voytekovich A.V., 2016. Kurgany s pogrebeniyami krematsiy v verhov'yah reki Ptich' [Mounds with Cremation Burials in the Upper Reaches of the Ptich River]. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Leonida Davydovicha Pobolya* [Slavs on the Territory of Belarus in the Pre-State Period: on the 90th Anniversary of the Birth of Leonid Davydovich Pobol], book 2. Minsk, Belarusskaya Navuka, pp. 179-196.
- Voytekovich A., Dernovich S., 2014. Kurgannye mogil'niki v rayone poselencheskogo kompleksa na r. Menke [Burial Mounds in the Area of the Settlement Complex on the Menka River]. *Gistorychna-arhealogichny zbornik* [Historical and Archaeological Collection], no. 29, pp. 300-306.
- Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey* [State Historical Museum], 2024. URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6387282?page=29&query=vladimirskie%20kurgany&fund_ier=647756450_647756730&index=1408
- Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda RF* [State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation], 2024a. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=nakladka%20na%20sumku&museumIds=239&imageExists=null>
- Gosudarstvennyy katalog Muzeynogo fonda RF* [State Catalogue of the Museum Fund of the Russian Federation], 2024b. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39303489>
- Dobrova O.P., 2015. Busy iz pogrebeniya v kamere kurgana II-212 i nekotorye aspekty kolichestvennogo raspredeleniya bus v Gnezdove [Beads from the Burial in the Chamber of the II-212 Mound and Some Aspects of the Quantitative Distribution of Beads in Gnezdovo]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova: materialy 60-go zasedaniya* [Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land. Seminar Named after Academician V.V. Sedov. Materials of the 60th Meeting], iss. 30. Moscow, Pskov, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 322-327.
- Dobrova O.P., 2017. Busy iz pogrebeniy po obryadu ingumatsii Gnyozdovskogo mogil'nika [Beads from Inhumation Rite Burials of Gnezdovo Burial Mound]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archeology], no. 4 (22), pp. 236-257.
- Dobrova O.P., 2018. Steklyannye busy Gnezdova po materialam raskopok Tsentral'nogo gorodishcha [Glass Beads of Gnezdovo Based on Excavations of the Central Settlement]. *Gnezdovskiy arheologicheskii kompleks: Materialy i issledovaniya* [Gnezdovo Archaeological Complex. Materials and Research], iss. 1. Moscow, State Historical Museum, pp. 103-127.
- Dobrova O.P., 2021. Busy iz dorevolyutsionnykh raskopok Gnyozdova (po materialam fondov GIM) [Beads from Pre-Revolutionary Excavations of Gnezdovo (Based on Materials from the State Historical Museum Collections)]. *Gnyozdovskiy arheologicheskii kompleks. Materialy i issledovaniya* [Gnezdovo Archaeological Complex. Materials and Research], iss. 2. Moscow, State Historical Museum, pp. 85-99, 445-458.
- Enukov V.V., 1990. *Rannie etapy formirovaniya smolensko-polotskih krivichey* [Early Stages of the Formation of the Smolensk-Polotsk Krivichi]. Moscow, Kursk, KSPI. 262 p.

- Eremeev I.I., 2015. *Drevnosti Polotskoy zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltiyskogo regiona (ocherki srednevekovoy arheologii i istorii Pskovsko-Beloruskogo Podvin'ya)* [Antiquities of the Polotsk Land in the Historical Study of the East Baltic Region (Essays on Medieval Archeology and History of the Pskov-Belarusian Dvina)]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. 696 p.
- Eremeev I.I., 2023a. *Slavyane i normanny k severu ot Dnepra do nachala X v. Nachal'nye etapy slavyano-skandinavskih etnokul'turnyh vzaimodejstvij. V 2 t. T. 1. Rannesrednevekovaya slavyanskaya kolonizatsiya v Vostochno-Baltiyskom regione. Metodologiya izucheniya, geograficheskij kontekst, arheologicheskie pamyatniki* [Slavs and Normans to the North of the Dnieper Before the Beginning of the 10th Century. Initial Stages of Slavic-Scandinavian Ethnocultural Interactions. In 2 vols. Vol. 1. Early Medieval Slavic Colonization in the East Baltic Region. Methodology of Study, Geographical Context, Archaeological Sites]. Saint Petersburg, IIMK RAN. 808 p.
- Eremeev I.I., 2023b. *Slavyane i normanny k severu ot Dnepra do nachala X v. Nachal'nye etapy slavyano-skandinavskih etnokul'turnyh vzaimodejstvij v Vostochno-Baltiyskom regione po dannym arheologii. V 2 t. T. 2. Normanny i pogrebal'nyj obryad Il'men'-Volhovskogo regiona* [Slavs and Normans to the North of the Dnieper before the Beginning of the 10th Century. Initial Stages of Slavic-Scandinavian Ethnocultural Interactions in the East Baltic Region Based on Archaeological Data. In 2 vols. Vol. 2. Normans and the Funeral Rite of the Ilmen-Volkhov Region]. Saint Petersburg, IIMK RAN. 432 p.
- Zharnov Yu.E., 1991. *Zhenskie skandinavskie pogrebeniya v Gnezdovo* [Scandinavian Female Burials in Gnezdovo]. *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda)* [Smolensk and Gnezdovo (on the History of the Ancient Russian City)]. Moscow, MSU, pp. 200-222.
- Zharnov Yu.E., 1992. *Pogrebal'nyj obryad v Drevney Rusi po materialam Gnezdovskogo nekropolya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Funeral Rite in Ancient Rus' Based on Materials from the Gnezdovo Necropolis. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 23 p.
- Zaharov S.D., 2004. *Drevnerusskiy gorod Beloozero* [The Ancient Russian City of Beloozero]. Moscow, Indrik Publ. 592 p.
- Zaharov S.D., Kuzina I.N., 2008. *Izdeliya iz stekla i kamennye busy* [Glass Products and Stone Beads]. *Arheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: Srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere* [Archaeology of the Northern Russian Village of the 10th – 13th Centuries: Medieval Settlements and Burial Grounds on Lake Kubenskoye. Material Culture and Chronology], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., pp. 142-215.
- Zvzdets'kiy B.A., Pol'guy V.I., Petrauskas A.V., Sirko O.V., Osadchij E.M., 2008. *Doslidzhennya Iskorostenya 2005–2008 pp.* [Research of Iskorosten in 2005–2008]. *Starodavniy Iskorosten' i slov'yans'ki gradi. Zbirka naukovih prats'* [Ancient Iskorosten and Slavic Cities. Collection of Scientific Papers], vol. 1. Korosten, pp. 113-117.
- Kazakevich E.M., Eniosova N.V., 2021. *Metallicheskie pugovitsy Gnyozdovskogo arheologicheskogo kompleksa X – nachala XI v.* [Metal Buttons from the Gnezdovo Archaeological Complex, 10th – Early 11th Century]. *Slavyanskije drevnosti VIII–XI vekov na territorii lesnoy i lesostepnoy zon Vostochnoy Evropy. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Grigor'eva* [Slavic Antiquities of the 8th – 11th Centuries in the Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe. On the 60th Anniversary of A.V. Grigoriev's Birth]. Tula, State Museum-Reserve «Kulikovo pole», pp. 230-247.
- Kazakov E.P., 1992. *Kul'tura ranney Volzhskoy Bolgarii* [The Culture of Early Volga Bulgaria]. Moscow, Nauka Publ. 225 p.
- Kamenetskaya E.V., 2014. *K voprosu o hronologii i topografii Gnezdova po keramicheskomu materialu* [On the Issue of the Chronology and Topography of Gnezdovo Based on Ceramic Material]. *Slavyane i inye yazytsi... K yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshivinoi* [Slavs and Other Languages... For the Anniversary of Natalia Germanovna Nedoshivina], iss. 198. Moscow, State Historical Museum, pp. 141-151.
- Kamenetskaya E.V., 2019. *Keramika IX–XIII vv. kak istochnik po istorii Smolenskogo Podneprov'ya* [Ceramics of the 9th – 13th Centuries as a Source for the History of the Smolensk Dnieper Region]. Moscow, Smolensk, KDU, Universitetskaya kniga Publ. 244 p.
- Kolchin B.A., 1982. *Hronologiya novgorodskih drevnostey* [Chronology of Novgorod Antiquities]. *Novgorodskiy sbornik: 50 let raskopok Novgoroda* [Novgorod Collection: 50 Years of Novgorod Excavations]. Moscow, Nauka Publ., pp. 156-177.
- Komar A.V., 2012a. *Chernigov i Nizhnee Podesen'e* [Chernigov and Lower Desna Region]. *Rus' v IX–XI vekah: arheologicheskaya panorama* [Rus' in the 9th – 11th Centuries: an Archaeological Panorama]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 335-365.

- Komar A.V., 2012b. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kyiv and the Right-Bank Dnieper Region]. *Rus' v IX–XI vekah: arheologicheskaya panorama* [Rus' in the 9th–11th Centuries: an Archaeological Panorama]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 300–333.
- Lesman Yu.M., 1987. Toropetskiy mogil'nik kul'tury dlinnykh kurganov [Toropets Cemetery of the Long Barrow Culture]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli* [Archeology and History of Pskov and the Pskov Land]. Pskov, pp. 66–67.
- Lipina L.I., 2006. *Semantika bronzovykh zoomorfnykh ukrasheniy prikamskogo kostyuma (ser. I tys. do n.e. – nach. II tys. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Semantics of Bronze Zoomorphic Ornaments of the Kama Costume (Mid. 1st Millennium BC – Early 2nd Millennium AD). Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk. 244 p.
- Lihter Yu.A., Shchapova Yu.L., 1991. Gnezdovskie busy. Po materialam raskopok kurganov i poseleniy [Gnezdovo Beads. Based on Excavations of Burial Mounds and Settlements]. *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda)* [Smolensk and Gnezdovo (on the History of the Ancient Russian City)]. Moscow, MSU, pp. 244–259.
- L'vova Z.A., 1968. Steklyannye busy Staroy Ladogi. Ch. I [Glass Beads of Old Ladoga. P. I]. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum], iss. 10, pp. 64–95.
- Lyaŭdanski A.N., 1930. Arheologichnyye dos'ledy u vazdazborah rr. Sozha, Dnyapra, Kasply ŷ Smalenskai gubernii [Archaeological Research in the Catchment Areas of the Sozh, Dnepr and Kasplya Rivers]. *Pratsy sekcyi arhealyogii* [Proceedings of the Archaeology Section], vol. 2. Minsk, pp. 269–338.
- Malysheva N.N., 2012. Prilozheniye 2. Katalog pogrebeniy [Application 2. Burial Catalogue]. *Drevnerusskiy nekropol' Pskova X – nachala XI v.* [Old Russian Necropolis of Pskov from the 10th – Early 11th Centuries], vol. 1. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 26–90.
- Mihaylov K.A., 2016. *Elitarnyy pogrebal'nyy obryad Drevney Rusi: kamernye pogrebeniya IX – nachala XI veka v kontekste severoevropeyskikh analogiy* [Elite Burial Rite of Ancient Rus: Chamber Burials of the 9th – Early 11th Centuries in the Context of Northern European Analogies]. Saint Petersburg, Branko Publ. 272 p.
- Murashova V.V., 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniya (X–XIII vv.)* [Old Russian Belt Collected Decorations (10th–13th Centuries)]. Moscow, Editorial URSS Publ. 135 p.
- Nefedov V.S., 2011. Smolenskie krivichi i Rus': severoevropeyskie i drevnerusskie izdeliya v smolenskiykh dlinnykh kurganah [Smolensk Krivichi and Rus: Northern European and Old Russian Artifacts in Smolensk Long Barrows]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress], vol. 2. Saint Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod, IHMC RAS, pp. 75–77.
- Nefedov V.S., 2012. Rannie etapy politogeneza na territorii Smolenskoy zemli (konets IX – pervaya polovina XI v.) [Early Stages of Politogenesis in the Territory of Smolensk Land (Late 9th – First Half of the 11th Century)]. *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. (Vologda – Kirillov – Belozersk, 6–8 iyunya 2012 g.)* [Northern Rus' and the Problems of Formation of the Old Russian State. Collection of Materials of the International Scientific Conference, Vologda – Kirillov – Belozersk. June 6–8, 2012]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., pp. 89–113.
- Nefedov V.S., 2020. Drevnosti saltovskogo kruga v smolenskiykh dlinnykh kurganah [Antiquities of the Saltovsky Circle in the Smolensk Long Barrows]. *HazarSKIY al'manah* [Khazar Almanac], vol. 17. Moscow, Indrik Publ., pp. 151–174.
- Nikitina T.B., Tyurk A., Yanchik B., 2022. Sumochka iz pogrebeniya 8 Krasnogorskogo mogil'nika [Sabretache from Burial 8 of the Krasnogorsk Burial Ground]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (42), pp. 137–158.
- Novikov V.V., Pushkina T.A., Dobrovol'skaya E.V., Dobrova O.P., 2018. Arheologicheskoe izucheniye severo-zapadnoy chasti Tsentral'nogo poseleniya Gnezdovskogo kompleksa arheologicheskikh pamyatnikov [Archaeological Study of the Northwestern Part of the Central Settlement of the Gnezdovo Complex of Archaeological Monuments]. *Gnyozdovskiyy arheologicheskyy kompleks: materialy i issledovaniya* [Gnezdovo Archaeological Complex: Materials and Research], iss. 1. Moscow, State Historical Museum, pp. 349–394.
- Plavinskiy N.A., 2019. Na zapadnykh rubezhakh krivichskogo mira [On the Western Borders of the Krivichi World]. *Smolenskiy kray* [Smolensk Land], no. 2, pp. 111–114.
- Pletneva S.A., 1989. *Na slavyansko-hazarском pogranich'e: Dmitrievskiy arheologicheskii kompleks* [On the Slavic-Khazar Borderland: Dmitrievskiy Archaeological Complex]. Moscow, Nauka Publ. 285 p.

- Ryabinin E.A., 1982. Busy Staroy Ladogi (po materialam raskopok 1973–1975 gg.) [Beads of Old Ladoga (Based on Excavations of 1973–1975)]. *Severnaya Rus' i ee sosed'i v epokhu srednevekov'ya* [Northern Rus' and its Neighbors in the Middle Ages]. Leningrad, Leningrad University, pp. 173–185.
- Samokvasov D. Ya., 1916. *Mogil'nye drevnosti Severyanskoy Chernigovshchiny* [Burial Antiquities of Severian Chernigov Region]. Moscow, Sinod Publ. 103 p.
- Sizov V.I., 1902. Kurgany Smolenskoy gubernii. Vyp. 1. Gnezdovskiy mogil'nik bliz Smolenska [Kurgans of the Smolensk Province. Iss. 1. Gnezdovsky Burial Ground near Smolensk]. *Materialy po arheologii Rossii* [Materials on the Archeology of Russia], no. 28. 136 p.
- Spitsyn A.A., 1905. Gnyozdovskie kurgany v raskopkah S.I. Sergeeva [Gnezdovo Kurgans in Excavations of S.I. Sergeev]. *Izvestiya arheologicheskoy komissii* [News of the Archaeological Commission], iss. 15. Saint Petersburg, pp. 6–70.
- Frenkel' Ya. V., 2007. Opyt datirovaniya poymennoy chasti Gnezdovskogo poseleniya na osnovanii analiza kollektssii steklyannykh i kamennykh bes X po materialam raskopok 1999–2003 gg. [An Experiment in Dating the Floodplain Part of the Gnezdovo Settlement Based on the Analysis of a Collection of Glass and Stone Beads X Based on Excavation Materials from 1999–2003]. *Gnezdovo: rezul'taty kompleksnykh issledovaniy pamyatnika* [Gnezdovo: Results of Complex Studies of the Monument]. Saint Petersburg, Al'faret Publ., pp. 78–117.
- Sharganova O.L., 2011. *Keramika Smolenskogo Podneprov'ya kontsa I – nachala II tys. n.e. (tekhnologiya i morfologiya): dis. ... kand. ist. nauk* [Ceramics of the Smolensk Dnieper Region of the End of the 1st – Beginning of the 2nd Millennium AD (Technology and Morphology). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 444 p.
- Shirinskiy S.S., 2001. Kurgany IX – nachala XI v. v verhov'e r. Sozh u d. Kushlyanshchina i Koshchino [Mounds of the 9th – Early 11th Centuries in the Upper Reaches of the River Sozh at d. Kushlyanshchina and Koschino]. *Smolenskie drevnosti* [Smolensk Antiquities], iss. 1. Smolensk, pp. 113–175.
- Shmidt E.A., 1952. Novye dannye ob arheologicheskikh pamyatnikakh Smolenskoy oblasti [New Data on Archaeological Sites of the Smolensk Region]. *Materialy po izucheniyu Smolenskoy oblasti* [Materials on the Study of the Smolensk Region], iss. 1. Smolensk, Smolgiz Publ., pp. 368–408.
- Shmidt E.A., 1962. Pole pogrebeniy i kurgany u der. Akatovo Smolenskoy oblasti [Burial Field and Burial Mounds near the Village of Akatovo, Smolensk Region]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 189–196.
- Shtyhaŭ G.V., 1992. *Kryvichy: na materyyalah raskopak kurganov u Paŭnochnay Belarusi* [Krivichi: Based on Materials from Excavations of Burial Mounds in Northern Belarus]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ. 191 p.
- Shchhavelev A.S., Fetisov A.A., 2022. Karta vzhdestva X v. v Verhnem Podneprov'e: k metodike prostranstvennoy rekonstruktsii arhaicheskikh polityi [Map of the 10th Century Chiefdom in the Upper Dnieper Region: Towards a Method of Spatial Reconstruction of Archaic Polities]. *Istoriya* [History], vol. 13, iss. 8 (118). URL: <http://history.jes.su>
- Arbman H., 1940. *Birka I. Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Tafeln*, Uppsala. 310 s.

Information About the Author

Vladimir V. Enukov, Doctor of Science (History), Director, Research Institute of Archaeology of South-Eastern Rus', Kursk State University, Radishcheva St, 33, 305000 Kursk, Russian Federation, vyenukov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5603-1386>

Информация об авторе

Владимир Васильевич Енуков, доктор исторических наук, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, 305000 г. Курск, Российская Федерация, vyenukov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5603-1386>